

КОЛЛЕКЦИОНЕР СЛОМАННЫХ ЧАСОВ

III

Наталья Серебряная

18+

Наталья Серебряная

Коллекционер сломанных часов

«Автор»

2026

Серебряная Н.

Коллекционер сломанных часов / Н. Серебряная — «Автор»,
2026

Что, если часы, остановившиеся в 3:17, связаны с исчезновениями, которые годами считали случайностью? В мастерской старого коллекционера Вера находит след, ведущий к пропавшим. Чтобы раскрыть тайну, ей предстоит восстановить события по крупицам, проверить семейные истории и отделить факты от догадок. Но чем ближе разгадка, тем опаснее поиски — и тем яснее: память может обманывать, а попытка вернуть прошлое становится ловушкой. «Коллекционер сломанных часов» — психологический триллер для тех, кто любит загадки и истории о цене молчания. Напряженное расследование напоминает: страх — не доказательство, а ответственность начинается с честного взгляда на факты и собственные поступки. Не всякую потерю можно отменить, но можно остановить разрушительный круг и перестать решать за других. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

Содержание

Часы, остановившиеся в 3:17	6
Коллекционер с улицы Тихой	11
Исчезновение без следа	16
Механизм, которого не должно быть	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Наталья Серебряная

Коллекционер сломанных часов

Коллекционер сломанных часов

Наталья Серебряная

Часы, остановившиеся в 3:17

Вера задержала дверь плечом, чтобы не дать ей захлопнуться, и прислушалась.

В мастерской пахло пылью, машинным маслом и холодным металлом. Где-то в глубине помещения скрипнула половица. За ней — ничего. Ни ровного тиканья, ни мерного хода маятника. В тишине так отчетливо слышалось дыхание самой Веры, что она невольно задержала вдох.

— Вы закрываетесь через двадцать минут, — сказала она.

Из-за высокой стойки поднялся старик в темном жилете. Волосы у него были белые, но густые, а руки — удивительно спокойные. Он улыбнулся, будто ждал ее не первый час.

— Если вы пришли по делу, двадцати минут хватит. Если поговорить — дверь пока открыта.

Вера сняла перчатки. На подушечках пальцев остались серые следы от графитовой смазки. Она только что закончила чистить старый настольный хронометр и собиралась домой, но по дороге свернула сюда, увидев на вывеске имя, которое несколько дней подряд повторялось в сообщениях брата: «Лев. Спросить у Льва».

— Вы Лев?

— Лев Андреевич. А вы Вера.

Она не удивилась. Мастерская держала на стене несколько выцветших газетных вырезок с фотографиями пропавших людей. Среди них, должно быть, была и фотография Антона. Или Лев знал ее по братовым рассказам. Пока это ничего не значило.

— Я реставрирую часы, — сказала Вера. — Ищу карманные часы, которые Антон купил у вас.

Улыбка Льва не исчезла, но стала чуть уже.

— Ваш брат оставил их здесь.

Она достала из сумки сложенную квитанцию. Бумага была мягкой от частых прикосновений, на сгибе проступила белая полоска. Антон купил часы у Льва девять дней назад, а через два дня вернулся, попросил проверить ход и оставил их до утра. Утром он не пришел. Через день перестал отвечать на звонки. Еще через два его машину нашли у закрытой станции за городом, с ключами в замке зажигания. Полиция предположила, что он мог уехать с кем-то или сам захотел исчезнуть.

Вера повторяла это объяснение так часто, что оно почти стало правдой. Почти.

— Я приготовил чай, — сказал Лев. — Или вы пришли только за часами?

— Сначала за часами.

— Тогда сначала часы.

Он повел ее в глубину мастерской. Вера прошла мимо шкафа с инструментами и остановилась у стены. Там висели большие часы с темным дубовым корпусом. Их стрелки показывали три часа семнадцать минут.

— Они сломаны? — спросила она.

— Нет.

— Остановились?

— Да.

Ответ прозвучал спокойно, без сожаления.

Вера огляделась. На полке стоял будильник, застывший на без четверти пять. Над верстаком — небольшой круглый циферблат показывал десять минут второго. У двери, за пыльным стеклом, часы показывали шесть двадцать две. На каминной полке были другие: семь ноль три. Разные корпуса, разные механизмы, разные минуты. Ни одна стрелка не двигалась.

— Вы не ремонтируете их?

— Ремонтирую.

— А потом останавливаете?

— Иногда.

— Зачем?

Лев пожал плечами и снял с крючка жилетку.

— Так и должно быть.

Вера посмотрела на него, ожидая продолжения. Лев не добавил ничего.

Она достала из сумки блокнот. Старая привычка: прежде чем разбирать механизм, зафиксировать, что именно видишь. Схема экономила время и удерживала от поспешных выводов. Она нарисовала дверь, стойку, окно и верстак, затем отметила часы маленькими кружками и записала показания: 3:17, 4:45, 1:50, 6:22, 7:03.

— Не все на одном времени, — заметил Лев.

— Я вижу.

— Большинство людей думают, что остановившиеся часы должны показывать одно и то же.

— Большинство людей не реставрируют часы.

— А вы?

— Я предпочитаю сначала смотреть, а потом решать, что думаю.

Лев кивнул, словно услышал не ответ, а знакомую фразу.

— Антон тоже так говорил.

Карандаш замер над блокнотом.

— Когда?

— Когда принес часы.

— Что именно он говорил?

Лев отвернулся к шкафу, перебирая ящики с такой неторопливостью, будто вопрос касался размера отвертки.

— Что вы не любите, когда за вас решают, чего вы боитесь.

Вера медленно положила карандаш. Это было слишком похоже на Антона. Тот умел замечать то, что она старалась скрыть даже от себя. Но брат мог сказать это Льву. Мог. Простое объяснение всегда находилось первым, если дать ему место.

— Где часы?

Лев достал плоскую коробку из нижнего ящика. Внутри, на выцветшем бархате, лежали серебряные карманные часы. Вера узнала их по фотографии в квитанции: округлая крышка, небольшой скол возле петли, тонкая гравировка на обратной стороне. Под фамильными инициалами Антона — А.К. — шла узкая линия, будто кто-то когда-то попытался стереть имя прежнего владельца.

Она не прикоснулась к часам.

— Почему они остановились?

— Пружина ослабла.

— Вы сказали Антону, что проверите ход.

— Проверил.

— И?

— И часы остановились.

Он произнес это так, будто речь шла о погоде.

Вера наклонилась над коробкой. Стрелки показывали одиннадцать семнадцать. Она посмотрела на циферблат, затем на собственную схему и записала: 11:17. Карандаш прорвал бумагу на последней цифре.

— Они показывают это время с тех пор, как вы их принесли?

— Не знаю.

— Вы не помните?

— Я помню часы. Время — нет.

Вера подняла глаза. Лев смотрел на нее без вызова, даже почти приветливо.

— Антон исчез в семь часов вечера, — сказала она. — За день до этого он написал мне, что заберет часы утром. Он не пришел. Не позвонил. Его телефон нашли выключенным.

— Вы думаете, это из-за часов?

— Я думаю, что он не исчезал бы просто так.

Это было не совсем правдой. Вера думала о том, что Антон мог попасть в аварию. Уехать, не предупредив. Сорваться, устать, захотеть побыть одному. Она собирала объяснения одно за другим, как детали в коробку, лишь бы не оставлять место для самого страшного.

Лев закрыл крышку коробки не до конца.

— Ваш брат спрашивал, можно ли остановить часы так, чтобы они продолжали идти внутри.

— Что это значит?

— Я ответил, что не знаю.

— И что он сказал?

— Спросил, а если внутри уже ничего не идет, можно ли услышать.

От этой фразы в мастерской стало холоднее. Вера выпрямилась.

— Он говорил это здесь?

— Да.

— Когда?

— В тот вечер, когда оставил часы.

— Вы раньше не сказали, что он задавал такие вопросы.

— Вы раньше не спрашивали.

Она сжала край блокнота. Лев был прав, и это раздражало сильнее, чем если бы он просто уклонился.

Вера шагнула к полкам. За стеклом шкафа теснились настенные часы, будильники, латунные корпуса без стрелок. Она проверила несколько по очереди, не касаясь стекла: 9:12, 2:38, 5:06. Все остановлены. Она дополнила схему, отмечая положение каждой вещи и время на циферблатах. Взгляд постепенно привыкал к комнате и начинал выхватывать мелочи: на некоторых корпусах лежала пыль, на других ее не было; маятники были неподвижны; цепочки висели ровными неподвижными петлями.

— Вы держите их так, будто ждете, что они снова пойдут, — сказала она.

— Разве это плохая привычка?

— Зависит от того, чего ждешь.

Лев легко коснулся костяшками пальцев стойки.

— Вы всегда так разговариваете с вещами?

— Только если люди не отвечают.

Он улыбнулся, но на этот раз в его лице мелькнуло что-то уставшее.

Вера снова посмотрела на часы Антона. Теперь она увидела царапину возле заводной головки. Тонкую, блестящую, пересекавшую старую потемневшую поверхность корпуса. Она наклонилась ближе.

— Это свежее.

Лев не сразу ответил.

— Царапины появляются.

— Не такие. Здесь металл светлый. Полировка еще не потемнела. Что-то задело корпус совсем недавно.

— Может быть.

— Вы сказали, что часы лежали в коробке.

— Они и лежали.

— Коробка мягкая внутри. Чтобы оставить такую царапину, нужно надавить чем-то острым.

— Или уронить.

— Они падали?

— Не знаю.

Вера провела пальцем над царапиной, не касаясь поверхности. В мастерской было тихо, но теперь тишина казалась не пустой, а занятой: словно каждый предмет удерживал собственный звук и не собирался делиться им.

— Вы ведь знаете, где Антон, — сказала она.

Лев посмотрел на нее внимательно, впервые без своей легкой приветливости.

— Нет.

— Вы знаете, что с ним случилось?

— Нет.

— Тогда почему вы говорите так, будто он просто вышел за дверь?

— Потому что он вышел за дверь.

— Девять дней назад. И не вернулся.

— Да.

— Вы видели его последним?

— Нет.

— Кто видел?

Лев отвел взгляд к полкам.

— Иногда вопрос «кто видел» ничего не меняет.

— А вопрос «кто последний держал его часы»?

— Возможно.

— Кто держал их после него?

— Я.

Вера ощутила, как напряжение переходит из плеч в пальцы. Она хотела попросить позвонить в полицию, предъявить часы, потребовать записи с камеры. Но камера над дверью была старой, с темным стеклянным глазком. Она хотела спросить, почему Лев сразу понял, кто она, почему Антон доверил ему часы, почему все механизмы здесь остановлены. Вопросов было слишком много, и каждый тянул за собой следующий.

— Вы сказали, что часы должны быть остановлены. Почему?

— Потому что они остановились.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

— Вы коллекционируете поломки?

— Нет. Я собираю то, что люди оставляют.

— И часы?

— Особенно часы.

Он произнес это без гордости. Вера подумала о пыльных корпусах, о неподвижных стрелках, о старике, который мог бы починить почти любой механизм, но предпочитал оставлять его в точке остановки. Не потому ли, что некоторым людям легче сохранить последнюю минуту, чем признать, что дальше жизнь пошла без них?

Она записала рядом с 11:17: царапина. Потом добавила: Лев говорит, что часы оставались в коробке. И только после этого заметила, как сильно дрожит рука.

— Вы верите, что все можно починить? — спросил Лев.

— Нет.

— А что тогда делаете?

— Смотрю, что сломано.

Он опустил глаза на ее схему.

— И если видите?

Вера подумала об Антоне, о полицейских, которые советовали ей не торопиться с выводами, о его пустой квартире, где кружка с недопитым чаем стояла возле раковины. Она так старательно искала объяснение, что почти перестала замечать отсутствие ответа.

— Тогда перестаю притворяться, будто ничего не случилось, — сказала она.

Лев не ответил.

За окном начинало темнеть. В стекле отражались неподвижные циферблаты. Они смотрели на Веру не в один голос и не в один час: одни показывали утро, другие — полдень, третьи — время, когда улицы пустеют. Все разные. Все остановившиеся.

— Я закрою мастерскую, — сказал Лев.

Вера убрала блокнот, но часы оставила на месте.

— Я вернусь за ними.

— Возможно.

— Не «возможно». Вернусь.

Лев прикрыл крышку коробки.

— Тогда приходите завтра.

Он дошел до двери и повернул вывеску на сторону «Закрыто». Вера успела сделать шаг к выходу, когда из глубины мастерской донесся одиночный удар.

Не тиканье. Не скрип. Чистый металлический звон, короткий и глухой, будто молоточек коснулся колокола и тут же застыл.

Вера обернулась.

Часы на стене по-прежнему показывали три семнадцать.

Лев стоял возле двери. Его руки были пусты.

— Это были те? — спросила Вера.

— Не знаю.

Она посмотрела на корпус часов, на неподвижные стрелки и на темное стекло, за которым не шевелился маятник. Можно было решить, что звук пришел с улицы. Можно было обвинить старый металл, случайный толчок, сквозняк. Можно было снова выбрать самое удобное объяснение.

Вера открыла блокнот и записала под схемой: 3:17. Один удар. Время не сдвинулось.

Потом закрыла тетрадь и вышла, уже зная, что вернется.

Коллекционер с улицы Тихой

Вера вернулась в мастерскую ровно в десять, положив часы Антона в коробку, обитую старым бархатом. На улице пахло дождем и мокрой штукатуркой. Внутри — машинным маслом, металлической пылью и крепким чаем, который Лев успел забыть на краю стола.

Настенные часы по-прежнему показывали тринадцать.

Лев заметил ее взгляд.

— Не трогал, — сказал он.

— Я и не спрашивала.

— Зато собирались.

Она не стала спорить. Поставила коробку на верстак и раскрыла ее. Карманные часы Антона лежали на ткани циферблатом вверх. Стрелки остановились на одиннадцати семнадцати. На крышке по-прежнему виднелась свежая царапина, тонкая, но слишком ровная для случайного удара.

— Прежде чем открывать, я хочу все зафиксировать, — сказала Вера.

Лев вытер руки о фартук и подвинул ей лампу.

Она достала из сумки небольшой фотоаппарат, линейку и серую карточку. Сначала сняла часы целиком, потом отдельно циферблат, царапину и серийный номер на внутреннем ободке. Положила линейку рядом, не касаясь корпуса, сделала еще несколько кадров под разным углом. На снимке свет лег так, что стало видно: царапина пересекала старую патину, значит, появилась недавно.

Вера записала время съемки и состояние вещи. В блокноте у нее уже были две колонки: «Наблюдаю» и «Предполагаю». В первую она внесла царапину, положение стрелок, потемневший металл. Во второй пока оставила пустое место.

— Хорошо, — сказал Лев. — Теперь можно?

— Сначала крышка. Медленно. И скажите, если заметите что-то, чего не видно снаружи.

Он посмотрел на нее так, будто хотел спросить, кому именно адресована эта просьба, но промолчал. Взял тонкий нож, аккуратно вставил его под край крышки и приподнял серебристый металл. Раздался тихий щелчок.

Под крышкой обнаружилась гравировка.

Вера наклонилась к столу. Буквы были потемневшими, но четкими: «Лидии. 14 июня 1948». Под датой находился маленький знак — круг, перечеркнутый короткой вертикальной чертой и двумя косыми штрихами. Он напоминал компас, если бы компас рисовал человек, который видел его только во сне.

Вера почувствовала, как под ребрами сжалось что-то холодное.

Лидия.

В их семейных разговорах такого имени не было. Ни среди бабушек, ни среди теток, ни среди старых подруг матери. По крайней мере, Вера не помнила. Но память — плохой архивариус: она хранит случайную обиду из школьного коридора и теряет то, что взрослые много лет обходили молчанием.

— Вы видели это раньше? — спросила она.

Лев не ответил сразу. Нож в его пальцах дрогнул и едва коснулся верстака.

— В этом городе много Лидий.

— Я спросила про надпись.

— Нет, — слишком быстро сказал он.

Потом он убрал нож в ящик и захлопнул его с таким усилием, что внутри звякнули инструменты.

Вера посмотрела на его руку. На большом пальце побелела кожа — Лев сжал край верстака. Она не спросила, почему он занервничал. Не потому, что не заметила. Потому, что пока не знала, что именно заметила.

Она сделала общий снимок внутренней крышки, затем крупный план гравировки. Положила рядом серую карточку, чтобы сохранить масштаб, и сняла еще раз.

— Мне нужен снимок с точностью до буквы, — объяснила она. — Не потому, что я вам не доверяю. Потому что мне нельзя доверять собственной памяти.

Лев отвел взгляд.

— Память не всегда помогает, — сказал он.

— Зато фотографии не додумывают.

Она переписала надпись в блокнот, сохранив знаки препинания и расположение строк. В графе «Наблюдаю» добавила: «Имя Лидия. Дата 14 июня 1948. Знак под гравировкой». В соседней графе поставила вопросительный знак. Потом закрыла крышку, не касаясь букв.

— Вы знаете, кому принадлежали эти часы до Антона?

— Старые часы проходят через многие руки.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Она почувствовала, как поднимается раздражение. Стоило дать ему волю, оно уже предлагало готовый приговор: Лев знает больше, чем говорит. Возможно, именно он оставил царяпину. Возможно, он помог брату исчезнуть. Возможно, он знает, кто такая Лидия.

Вера написала в пустой графе: «Лев скрывает информацию». Потом остановилась и зачеркнула фразу.

Она этого не наблюдала. Она видела паузу, дрогнувшую руку и слишком быстро закрытый ящик. Остальное было выводом, пока еще не подтвержденным.

— Я хочу проверить несколько семейных фотографий, — сказала она. — Потом вернусь.

Лев кивнул. Его пальцы снова легли на ящик с инструментами, будто он собирался закрыть его еще раз.

Дома Вера разложила на столе старые альбомы. Мать хранила их в коробках из-под обуви, между открытками и конвертами, в которых давно рассыпался клей. Сначала Вера искала само имя. Перелистала подписи на обороте, прочитала знакомые даты, фамилии родственников. Лидии не нашлось.

Тогда она достала телефон и увеличила фотографию гравировки. Круг, короткая вертикальная линия, два наклонных штриха. Она просмотрела несколько десятков снимков, не пытаясь подобрать историю к каждой детали.

На одном фото отец сидел на ступеньках загородного дома, мать стояла рядом, а маленький Антон держался за ее пальто. Вера родилась позже и знала этот снимок по семейному альбому. Раньше она обращала внимание только на Антона: он смотрел в объектив с таким серьезным видом, будто уже тогда подозревал, что фотография переживет людей.

Теперь она заметила женщину позади матери.

Та стояла на краю кадра, почти за рамой. Темное платье, короткие волосы, лицо повернуто в сторону. Вера не узнала ее. Женщина улыбалась кому-то за пределами снимка, и от этой улыбки фотография казалась не семейной, а случайно украденной из чужого вечера.

Вера осторожно вынула снимок из прозрачного уголка. На обороте, возле выцветшей даты, был нарисован тот же знак: перечеркнутый круг с двумя косыми штрихами. Под ним стояла короткая запись карандашом: «Тихая, 8».

Она положила фотографию рядом с телефоном. Увеличила изображения до тех пор, пока зернистость не распалась на серые квадраты. Знак на корпусе был выгравирован, на снимке нарисован от руки. Но форма совпадала.

В блокноте появились новые строки:

«Наблюдаю: один и тот же знак на часах и обороте семейной фотографии. На фото: отец, мать, Антон и незнакомая женщина. Адрес: Тихая, 8».

Ниже Вера написала: «Лидия — женщина на снимке». Посмотрела на фразу, затем обвела ее вопросительным знаком. Совпадение могло быть важным. Но пока оно не превращало неизвестную женщину в Лидию.

Она вернулась в мастерскую до закрытия.

Лев поднял голову от стола, когда Вера положила перед ним копию фотографии.

— Знак тот же, — сказала она. — А на обороте адрес Тихая, восемь.

Он не прикоснулся к снимку. Только взглянул, и на этот раз пауза длилась дольше, чем требовал обычный взгляд.

— Покажите журнал ремонтов, — сказала Вера.

— Какой именно?

— Тот, в котором есть запись об этих часах.

— Я не обещал, что найду ее.

— Тогда пусть это будет первая проверяемая вещь, которую мы найдем вместе.

Лев посмотрел на нее и неожиданно усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

— Вы всегда так разговариваете, когда боитесь?

— Нет. Иногда я молчу.

Он достал из-под верстака толстую книгу в темной обложке. Страницы были волнистыми от сырости, чернила местами расплылись. Лев положил журнал на стол и открыл его не на первой странице, а сразу ближе к середине.

Вера заметила это. Ничего не сказала.

Они нашли старую запись по серийному номеру на корпусе. Строки были выведены рукой аккуратной, почти школьной:

«Г. Рудин. Тихая, 8. Коллекция. Карманные серебряные, № 6148. Поступили с тремя другими предметами. Знак сохранить».

Ниже стояла дата, отдаленная от сегодняшнего дня на несколько десятилетий. Напротив графы «Получатель» было пусто.

Вера переписала запись и сфотографировала страницу.

— Рудин был коллекционером? — спросила она.

— Был.

— Вы его знали?

Лев провел ногтем по краю бумаги.

— Его знали все, кто занимался часами. Он собирал вещи, которые другие выбрасывали.

— Почему часы попали к Антону?

— Не знаю.

Слова прозвучали ровно, но на последнем слове его голос едва заметно осел.

Вера снова сверилась с серийным номером. Совпадали все цифры. Ниже обнаружилась еще одна запись, уже совсем недавняя:

«17 октября. А. Соколов. Карманные серебряные, № 6148. Ход проверить. Стрелки не переводить. В механизме не вскрывать».

Дата исчезновения Антона была двадцатого октября.

Вера перечитала строку еще раз. Потом еще. Сначала в ней оставались только дата и имя. Затем проступил смысл: брат принес часы Льву за три дня до того, как исчез, и попросил не переводить стрелки.

— Он был здесь, — сказала Вера.

— Да.

— Вы знали Антона?

— Немного.

— Почему вы не сказали об этом вчера?

Лев закрыл журнал, но не убрал руку с обложки.

— Вы спрашивали, почему часы остановились. Не спрашивали, кто приносил их в мастерскую.

Вера почувствовала, что готова перейти через стол и заставить его договорить. Она уже слышала внутри собственный голос, уверенный и сердитый: он скрывает нечто важное. Но у нее было только одно подтвержденное наблюдение — Лев не сказал о визите Антона. Причину она не знала.

Она открыла блокнот и записала: «Антон был у Льва 17 октября. Часы тогда уже нельзя было переводить. Механизм не вскрывали».

— Почему он просил оставить стрелки? — спросила она.

Лев посмотрел на часы.

— Сказал, что так надо.

— Это все?

— Это все, что он сказал мне.

— Вы не спросили почему?

— Спросил. Он ответил, что некоторые вещи лучше не трогать, пока не знаешь, кому они принадлежали.

На секунду в мастерской стало слышно, как дождь шелкает по стеклу.

— И вы решили, что это нормальное объяснение?

— Я решил, что человек вправе не рассказывать часовщику всю свою жизнь.

Вера записала его слова дословно. Не как доказательство, не как оправдание. Просто как фразу, произнесенную здесь и сейчас.

Она указала на запись «в механизме не вскрывать».

— Теперь можно посмотреть?

Лев помолчал, затем принес маленькую отвертку и пинцет. Перед тем как снять крышку, он показал ей каждое движение и дождался ее кивка. Вера держала фотоаппарат наготове. Сначала они сняли заднюю панель, затем механизм целиком. Под тонкой металлической пластиной, возле края корпуса, что-то белело.

— Это не часть прокладки, — сказал Лев.

Он остановил руку.

Вера сделала снимок. Потом — еще один, крупнее. Только после этого Лев взял пинцет и осторожно вытянул из механизма узкий клочок бумаги, сложенный вчетверо. Бумага была желтоватой, на сгибах потемнела. Ее край будто давно зажалось металлической пластиной, но сам лист не порвался.

Вера не стала открывать его сразу. Сняла бумагу с двух сторон, положив рядом линейку. Записала время, при котором ее обнаружили, и точное место в корпусе.

Лев наблюдал за ней.

— Думаете, это писал Антон?

— Пока я не знаю.

Она развернула верхний сгиб. Потом второй. На бумаге проступили строки, написанные знакомым наклоном. Вера узнала почерк не по буквам, а по тому, как Антон выводил ее имя: всегда слишком тесно, будто боялся, что на листе не хватит места.

«Вера. Если меня не будет, не верь времени в протоколе. На Тихой, 8 спроси о Лидии. Знак не называй».

Она перечитала записку и заметила, что задержала дыхание.

Лев протянул руку.

Вера сложила бумагу, но не отдала.

— Что там? — спросил он.

Она сделала новый снимок записки и положила лист обратно на ткань.

— Имя и адрес.

Его взгляд задержался на ее лице.

— Лидия? — спросил он.

Вера не ответила. Она посмотрела на журнал, на фотографию с незнакомой женщиной, на раскрытые часы. Три предмета, три совпадения и ни одного объяснения, которому можно было бы доверять.

— Вы знали, что записка там? — спросила она.

Лев покачал головой.

— Если бы знал, не стал бы вскрывать часы при вас.

Это могло быть правдой. Могло быть ложью. Вера не записала ни то ни другое.

Она вернула механизм в корпус, не позволяя Льву снова закрыть крышку, пока не сняла все детали на камеру. Потом убрала часы в бархатную коробку, а записку поместила в отдельный бумажный конверт. На выходе задержалась возле двери.

— Вы сказали, что Рудин был коллекционером. Он жив?

Лев посмотрел в сторону темного окна.

— Не знаю, — ответил он. — На Тихой, восемь давно никто не открывает.

Вера вышла под дождь. С улицы мастерская казалась совсем обычной: мутное стекло, выцветшая вывеска, лампа в глубине. За ним оставались три семнадцать на остановившихся настенных часах. В ее сумке лежала записка Антона, а в блокноте теперь было достаточно фактов, чтобы испугаться, но недостаточно — чтобы вынести приговор.

Она раскрыла последнюю страницу и подчеркнула адрес. Потом отдельно выписала имя.

На Тихой, восемь, кто-то хранил часы. Кто-то знал женщину по имени Лидия. И кто-то заранее предупредил Антона, что время в протоколе может оказаться ложью.

Вера закрыла блокнот, но не сумку. Теперь ей предстояло выяснить не только, куда исчез брат, но и кто первым назвал его исчезновение исчезновением.

Исчезновение без следа

Дверь на Тихой, восемь не открылась.

Вера нажала кнопку звонка один раз, потом второй. За мутным стеклом лестничной клетки не шевельнулась ни тень. На двери висел выцветший листок: «Помещение закрыто. По вопросам передачи фонда обращаться в городской архив». Ниже кто-то написал карандашом номер телефона и так же старательно зачеркнул его.

Она уже собиралась уйти, когда из подъезда вышел пожилой мужчина в резиновых сапогах. В одной руке он держал пакет с пустыми бутылками, другой придерживал дверь.

— Вы к Рудину? — спросил он.

Вера не сразу ответила. Вопрос прозвучал так, будто мужчина не спрашивал, а проверял, правильно ли она пришла.

— Да. Вы его знаете?

— Знал. Здесь половина дома его знала. А теперь не знает, куда он делся.

Вера посмотрела на темный проем лестницы.

— Вы видели, чтобы сюда приходила женщина по имени Лидия?

Мужчина прищурился.

— С часами?

— Возможно.

— Она просила звать ее Лидией. А в бумагах была Нина Орлова. Из архива. — Он поставил пакет на ступеньку и вынул из кармана сложенную газетную вырезку. — Вот. Сам вырезал. Потом подумал, вдруг ее кто-нибудь спросит.

На снимке была темноволосая женщина лет сорока. Она стояла у входа в городской архив, придерживая пальцами ремешок часов на запястье. Взгляд у нее был спокойный и усталый. Вера узнала лицо не сразу, а когда узнала, ощутила, как внутри все сжалось: она видела эту женщину в мастерской. Или женщину, слишком похожую на нее, чтобы различие имело значение.

Под фотографией крупными буквами было напечатано: «Сотрудница городского архива Нина Орлова пропала 12 октября».

— Когда? — спросила Вера.

— Дней десять назад. Говорят, прямо на работе. Зашла в зал и будто растворилась. Хотя я в такие слова не верю. У людей всегда есть ноги.

— А у камер?

Старик пожал плечами.

— Камеры иногда умнее людей. Иногда наоборот.

Городской архив занимал бывшее здание банка с темными стеклянными дверями и каменными колоннами. В холле пахло мокрой шерстью, бумагой и средством для мытья полов. У стойки посетителей попросили записать фамилию и цель визита. Вера написала: «Нина Орлова». Потом добавила: «Антон». На секунду задержала ручку над бумагой и не стала объяснять, что это имя ее брата. Объяснение не было фактом. Пока.

Дежурная за стойкой прочла запись и исчезла за внутренней дверью. Вернулась с мужчиной в сером свитере и без галстука. Он назвался старшим следователем Михайловым.

— Вы родственница Нины Орловой? — спросил он.

— Нет. Я ищу брата. Его зовут Антон. В мастерской часовщика мне сказали про женщину по имени Лидия. Здесь она Нина Орлова?

Михайлов не ответил сразу.

— Вам сказали, что она пропала?

— Да.

— Официально — числится без вести пропавшей. Мы проверяем несколько версий. Но в здание вы проходите только со мной и ничего не трогаете. Согласны?

— Согласна.

— И еще. Если вы рассчитываете найти в архиве объяснение, почему исчез ваш брат, я не могу обещать, что оно здесь есть.

— Я рассчитываю узнать, что здесь произошло.

— Это разумнее.

Он провел ее по коридору, мимо закрытых дверей и табличек с номерами фондов. В читальном зале было тихо, как в комнате, где все присутствующие боятся потревожить не людей, а пыль. Высокие окна выходили во двор. На длинных столах лежали лампы, каталожные карточки, подставки для книг. Ближе к дальней стене стоял пустой стул.

Дверь зала оставалась приоткрыта на ширину ладони.

Вера остановилась.

— Так ее нашли?

— Да.

— Пустую комнату?

— Пустой зал. Со стулом, на котором, по словам коллег, она сидела утром. И с часами на столе.

Михайлов указал на прозрачный пакет в руках другого сотрудника. Внутри лежали наручные часы с потертой кожаной полоской и царапиной на крышке. Вера узнала их раньше, чем успела разглядеть циферблат.

Часы Антона.

Она не коснулась пакета. Ногти впились в ладонь.

— Откуда они здесь?

— Это мы пока пытаемся выяснить.

— Они были на нем в день исчезновения?

— Не знаю, — сказал Михайлов. — Это принадлежит вашей семье?

— Принадлежали брату. Он носил их каждый день. Царапина появилась, когда он уронил часы на лестнице. Я была рядом.

Она сказала это так ровно, что на мгновение поверила в собственный голос.

Следователь кивнул, не задавая лишних вопросов.

— Давайте посмотрим запись и поговорим с дежурным.

В соседней комнате на мониторе замер дверной проем. Следователь включил видео. Люди проходили в зал и выходили обратно: сотрудница с папкой, посетитель с тростью, двое студентов, курьер с коробкой. На углу экрана светились дата и время.

В 11:17:04 в кадре появилась Нина Орлова. Она вошла, держа под мышкой тонкую папку. На мгновение остановилась у порога и повернула голову к коридору, словно услышала свое имя. Затем прошла к дальнему столу. Через минуту в коридоре появился уборщик с тележкой. Он заглянул в зал, покатыл дальше. Дверь оставалась в кадре.

Нина больше не вышла.

Вера попросила отмотать запись.

Михайлов сделал это. Они посмотрели участок еще раз. Нина вошла. Уборщик заглянул. Дверь стояла открытой, затем прикрывалась сама. Никто не выходил. Никто не заходил.

— Запись непрерывная? — спросила Вера.

— Это копия фрагмента. Исходник хранится отдельно.

— А на копии есть пропуски?

— Есть короткий сбой изображения через несколько секунд после того, как она вошла. Двенадцать секунд. Техники считают, что это ошибка сжатия.

— А исходная запись?

— Запрос уже направлен. Мы ее не перезаписываем.

— Можно проверить сейчас?

— Источник сейчас у специалиста. Он работает с ним в защищенной комнате.

Ответ прозвучал спокойно. Ни обещания, ни отказа, который можно было бы обойти спором. Вера заставила себя кивнуть.

— Кто был дежурным?

В коридоре их ждал Арсений Петрович, невысокий мужчина с аккуратной седой бородой. Он стоял, сцепив руки за спиной, словно ожидал проверки. Когда Вера спросила, что он видел в тот день, он посмотрел на Михайлова.

— Я уже рассказывал.

— Я знаю, — сказала Вера. — Мне нужно услышать именно ваши слова.

Арсений Петрович помолчал.

— Нина вошла. Я видел ее у двери. Потом ушел к стойке, там посетители. Через какое-то время заметил, что она не вышла. Но когда именно, не скажу.

— В протоколе записано, что вы видели ее вход в 11:16.

— Я посмотрел на часы в зале. Или мне кажется, что посмотрел. Сейчас уже не поручусь. Если честно, я мог увидеть ее и раньше, а время вспомнить по настенным часам потом.

— Вы видели, как она выходила?

— Нет.

— Дверь была открыта?

— Когда я заглянул, была приоткрыта. Я позвал ее. Стул пустой. Папка на месте. На столе часы.

— Часы вашего брата, — сказал Михайлов.

— Да, — ответила Вера.

Арсений Петрович покачал головой.

— Я их раньше не видел. Если бы увидел, запомнил бы. Они лежали циферблатом вверх. Странно это было. Не часы сами по себе, а то, как будто человек положил их перед собой и собирался через минуту вернуться.

Вера открыла блокнот. Она не стала записывать «Нина исчезла в 11:17». Это уже было бы выводом. Вместо этого начертила таблицу, провела четыре колонки и написала над ними: «Источник», «Время», «Что подтверждает», «Чего не подтверждает».

— Вы составляете собственную хронологию? — спросил Михайлов.

— Да.

— Это полезно, если помнить, что хронология не заменяет расследование.

— Я не собираюсь заменять.

Она вписала строки, сверяясь с протоколом и словами дежурного.

Источник

Время

Что подтверждает

Чего не подтверждает

Камера в коридоре

11:17:04

Нина входит в зал с папкой

Не показывает, что происходило внутри

Настенные часы в зале

11:18

На циферблате застыла эта минута
Неизвестно, когда часы остановились

Показания дежурного

11:16

Арсений Петрович помнит вход примерно в эту минуту
Не уверен, что посмотрел на часы именно тогда

Часы Антона

11:17

Механизм остановлен на этой минуте
Не объясняет, как часы оказались на столе

Под таблицей Вера провела короткую черту.

— Между камерой и показаниями одна минута, — сказала она. — Между настенными часами и часами Антона тоже одна минута.

— Верно, — ответил Михайлов. — У нас есть основания считать, что часы в зале отставали от серверного времени или спешили. Мы еще проверяем. Камеры тоже не всегда синхронизированы с часами на месте. Одной минуты достаточно, чтобы появилось несоответствие, но недостаточно, чтобы доказать что-то сверхъестественное.

— Я ничего сверхъестественного не доказываю.

— Хорошо.

— А ваша основная версия?

— Пока это не одна версия, а несколько. Она могла уйти через служебный коридор, который не попадает в кадр. Мог быть сбой камеры. Могла уйти раньше, чем коллеги заметили. Наконец, могла уйти сама и не сообщить куда. Мы проверяем маршруты, записи пропусков, телефоны и места, где она бывала. То, что ее нет на видео на выходе, еще не означает, что выходить ей было некуда.

Он говорил без раздражения. В этом не было равнодушия: только осторожность человека, который видел, как уверенность портит расследование. Вера понимала его логику и ненавидела, что понимала. Если принять самое простое объяснение, Антон мог оказаться одним из людей, которые исчезают не чудом, а по собственному решению. И тогда часы, записка, Рудин, Лидия — все могло стать случайным набором вещей, которому она придала форму, потому что не выдерживала пустоты.

— В комнате что-нибудь менялось? — спросила она.

— Пока не установлено. По словам сотрудников, на столе осталась папка, в ней лежали дела, которые Орлова просматривала утром. Ее сумка была в шкафчике. Телефон нашли в кабинете. Служебный пропуск тоже.

— А часы?

— Нет в описи личных вещей. Мы зафиксировали их отдельно.

— Значит, они не были ее?

— Мы этого не знаем. Может быть, она их принесла. Может быть, положил кто-то другой. Поэтому я и не называю их часами Орловой.

Вера снова посмотрела на стол в зале. Пустой стул стоял немного боком, словно его отодвинули, собираясь встать. На поверхности стола остался светлый прямоугольник, где лежала папка. Дверь в коридор была открыта. Никакого следа борьбы, никакой разбитой лампы, никакой крови. Только пространство, где должно было находиться объяснение.

Она поймала себя на желании выбрать одну минуту и объявить ее настоящей. Одиннадцать семнадцать выглядело заманчиво: камера, часы Антона. Совпадение складывалось в

знак. Но таблица не позволяла этому знаку стать доказательством. В ней оставалось слишком много пустых клеток.

— Я хочу, чтобы исходную запись сохранили в том виде, в каком ее получили, — сказала Вера. — Без обрезки, без улучшения, без пересохранения поверх оригинала. И чтобы отдельно сохранили метаданные, журнал доступа и сведения о сбое.

Михайлов посмотрел на нее внимательнее.

— Мы и так обязаны это сделать.

— Тогда прошу зафиксировать, что я это попросила.

— Зафиксируем. Но вы должны понимать: запрос не означает, что в записи обнаружится ответ.

— Понимаю.

— А часы? Вы хотите забрать их?

Вера задержала взгляд на прозрачном пакете.

— Нет. Пока нет. Только внесите в материалы, что я опознала их как часы Антона. И отметьте царапину на крышке.

Михайлов попросил сотрудника занести это в протокол. Затем показал Вере фотографию часов, сделанную до помещения в пакет. Крышка была снята для первичного осмотра. На снимке виднелись мелкие шестерни и тонкая дуга баланса. Рядом с осью кто-то выцарапал на металле знак, похожий на ноль с короткой чертой внутри.

— Это не заводская маркировка, — сказал следователь. — Эксперт пока не уверен, что именно там написано.

Вера приблизилась к экрану, не касаясь его.

— Можно увеличить?

Михайлов увеличил изображение. Черта не исчезла. Получалось «М-0» или просто царапина, случайно похожая на букву.

— Запишите, что знак присутствует, — сказала Вера.

— Запишем.

Она убрала блокнот. На обратном пути они снова прошли мимо читального зала. У двери Михайлов остановился, чтобы ответить на звонок. Вера осталась у стеклянной перегородки.

В отражении дальнего окна возник силуэт.

Человек стоял у пустого стола, чуть наклонив голову. Вера видела темный контур плеч и поднятую руку, будто незнакомец прислушивался к механизму на запястье. Она резко обернулась. В читальном зале никого не было. Только стул, стол и дверь, оставленная открытой.

— Вы что-то увидели? — спросил Михайлов, закончив разговор.

Вера не ответила сразу. Она взглянула на монитор в комнате наблюдения. На записи, остановленной в 11:18, зал был пуст. На стекле отражался лишь бледный прямоугольник окна.

— Не уверена, — сказала она.

Следователь не стал уточнять. Это было лучше любого поспешного объяснения.

Вера вышла из архива и раскрыла блокнот уже под навесом. К четырем строкам таблицы она добавила пятую: «Силуэт в отражении — не подтвержден записью». Затем обвела слова «не подтвержден», а не «не существовал».

Дождь стучал по стеклянному козырьку. За ним, в глубине здания, отражение темнело и исчезало вместе с коридором. Вера закрыла блокнот. Впервые за последние дни ей удалось не превратить страх в ответ. Но когда она снова увидела в памяти увеличенное изображение часов, знак на механизме уже не казался царапиной.

Он выглядел как номер.

Механизм, которого не должно быть

Вера успела сделать три шага от архива, прежде чем остановилась и достала телефон. На увеличенном снимке знак снова проступил под краем механизма: короткая черта, буква и цифра. М-0.

Она вернулась под навес. Михайлов еще не уехал; стоял у машины, разговаривая с кем-то по телефону.

— Посмотри, — сказала Вера, протягивая ему экран.

Следователь закончил звонок и увеличил изображение.

— Похоже на маркировку.

— В каталоге ее нет.

— Значит, каталог не ответил на вопрос, — заметил Михайлов. — Не значит, что ответ — тайный механизм и заговор часовщиков.

Вера невольно усмехнулась. Именно так она и думала последние десять минут.

— Надо посмотреть сам механизм. И царапину на минутной шкале.

— Сначала оформим осмотр. Потом позовем Льва Аркадьевича. Он реставрировал часы для архива.

— А если он их и поцарапал?

— Тогда проверим и эту версию.

В его голосе не было ни подозрения, ни снисхождения. Только порядок действий. Вера поняла, что нуждается в таком порядке больше, чем хотела признавать.

В мастерской пахло металлом, древесной пылью и чем-то горьким, похожим на остывший чай. Лев Аркадьевич уже ждал их у стола. Он был невысок, сухощав и носил очки на тонкой цепочке. Рядом лежал развернутый кожаный футляр с инструментами.

Часы Нины находились в прозрачном пакете с биркой. Михайлов записал время вскрытия, номер пломбы и присутствующих. Вера наблюдала, как он фиксирует каждое действие, и думала, что бумажная формальность иногда надежнее памяти: она не обещает быть точной, зато позволяет проверить себя.

Для сравнения она принесла часы брата. Они лежали в отдельной коробке, завернутые в мягкую ткань. Михайлов попросил отметить их состояние и тоже сфотографировал до осмотра.

— Вот она, — Вера указала на снимок, который заранее распечатала. — Царапина на минутном круге. На обоих часах, почти в одном месте.

— Почти? — уточнил Лев.

— Между семнадцатью и восемнадцатью минутами. Одинаковый угол, одинаковая длина.

— Ты уже решила, что это одна рука, — сказал Михайлов.

Вера хотела возразить, но заметила, что именно так записала вчера в блокноте: «Одинаковая отметка — один человек». Не «возможный общий источник». Не «сходство». Она сделала вывод прежде, чем проверила, что именно видит.

— Я решила, — призналась она. — Пока не проверила.

Лев подвинул лампу и положил часы Нины на подставку. Свет скользнул по циферблату. Царапина возникла не сразу: тонкая, неглубокая, заметная только под углом. На часах брата след был почти такой же.

— На фотографии они похожи, — сказал Лев. — Это наблюдение. Что их оставила одна рука, уже версия. А что эта рука принадлежала одному и тому же человеку — еще более смелая версия.

— Тогда что можно проверить?

Лев посмотрел на нее поверх очков.

— Для начала выяснить, одинаково ли металл поврежден. Потом — чем. И наконец — когда. Время на циферблате само по себе о дате царапины ничего не говорит.

Вера открыла блокнот и провела в нем четыре строки. В первую записала: «Улика». Во вторую: «Возможные объяснения». В третью: «Независимая проверка». В четвертую: «Уверенность».

Под заголовком «Улика» написала: «Сходные царапины на двух часах». В следующей строке перечислила: «Общий мастер; одинаковый инструмент; привычный способ ремонта; случайное сходство; один человек». Последний вариант она зачеркнула и вернула в список уже со знаком вопроса.

Лев осматривал циферблаты через лупу. Потом взял тонкий деревянный щуп и осторожно провел им вдоль царапины на часах Нины.

— Видишь край? — спросил он.

Вера наклонилась. На одном конце повреждение было светлее и тоньше, на другом металл чуть приподнялся.

— Здесь инструмент вошел, здесь вышел?

— Возможно. Но не торопись. На этих часах царапина дугообразная, а на часах твоего брата — короче и с другим направлением заусенца.

— На снимке этого не видно.

— Поэтому снимок помог заметить сходство, но не смог заменить осмотр.

Лев показал ей футляр с инструментами. Среди них были узкая отвертка, пинцет, плоский нож для вскрытия корпуса и короткий латунный полировщик. Он выбрал похожий на узкий нож инструмент и провел им по куску мягкого металла, не касаясь часов. На пробной полоске появился широкий след с раздвоенным краем.

— Не совпадает, — сказала Вера.

— С моим сегодняшним инструментом — не совпадает. Это не доказывает, что за всю жизнь у меня не было другого ножа. И не доказывает, что царапина сделана при ремонте. Но конкретную версию проверили, а не просто произнесли.

Вера записала: «Инструмент Льва — сходство не подтверждено; окончательно не исключает». Ей хотелось заменить эти слова на более решительные. «Не он». «Не этот инструмент». Любое окончательное утверждение казалось удобнее, чем аккуратная граница незнания.

— А теперь механизм, — сказал Лев.

Он снял заднюю крышку часов Нины, предварительно сфотографировав ее с обеих сторон. Под ней обнаружилась маленькая система колес и тонких пружин. Вера знала, что внутри должно быть сложно, но не ожидала, что настолько: десятки деталей умещались в ладони, каждая занимала ровно столько места, сколько требовала ее работа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.